

*М.Э. ДМИТРИЕВ,
А.В. НИКОЛЬСКАЯ*

Осенний перелом в сознании россиян: мимолетный всплеск или новая тенденция?

В статье на материалах фокус-групп, проведенных в октябре 2018 г., показан второй в этом году резкий перелом настроений российского населения. Настроения контрэлитного популизма, характерные для начала лета, сменились запросом на свободу, честность, уважение и мир, которые превалируют над базовыми материальными потребностями. Запрос на перераспределительную справедливость вытеснен запросом на равенство всех перед законом. При этом контрэлитные настроения не ослабли, а даже усилились. В то же время не наблюдается агрессивности респондентов в отношении к власти. Готовность к переменам стала более реалистичной, с пониманием трудностей и лишений, которые ожидают на этом пути, причем большинство респондентов готово лично вносить вклад в развитие страны.

Ключевые слова: общественные настроения, фокус-группы, популизм, ценности самовыражения, справедливость, легитимность.

DOI: 10.31857/S086904990004335-0

В статье представлены результаты нашего октябрьского социологического исследования, которое служит продолжением предыдущего раунда фокус-групп, проведенного в конце апреля–начале мая 2018 г. [Дмитриев, Белановский, Никольская 2018; Белановский, Дмитриев, Никольская 2019]. В рамках предыдущего раунда нами были выявлены признаки фундаментальных изменений в массовом сознании россиян. Тогда они затрагивали еще сравнительно узкий круг вопросов. Основными из них были явная неудовлетворенность внутренней политикой в целом при сохраняющейся широкой поддержке внешней политики, растущий запрос на быстрые и рискованные изменения, а также ослабление надежды на сильного лидера и ее вытеснение запросом на дистрибутивную справедливость (более равномерное распределение доходов и активов). Эти изменения вполне укладывались в международный тренд нарастающего контрэлитного популизма, опирающегося на активацию традиционных ценностей выживания и захватывающего растущее число стран в Европе, Америке и Азии.

Наше новое исследование проходило в октябре–ноябре 2018 г. и состояло из 14 фокус-групп. В их числе были следующие группы с указанными ниже характеристиками:

- 4 в Москве – пенсионеры; средний возраст, высшее образование; средний возраст, среднее специальное образование; студенты;
- 1 во Владимире – средний возраст, высшее образование;

Д м и т р и е в Михаил Эгонович – доктор экономических наук, президент Хозяйственного партнерства “Новый экономический рост”. Адрес: Москва, 125993, Газетный переулок, д. 3-5 стр. 1, офис 229а. E-mail: mikhaildm@mail.ru.

Н и к о л ь с к а я Анастасия Всеволодовна – кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии ФГБОУ ВО Российский государственный университет им. А.Н. Косыгина. Адрес: Москва, 115035, ул. Садовническая, д. 33. E-mail: tonokazutoya@gmail.com.

- 1 в Гусь-Хрустальном – средний возраст, среднее специальное образование;
- 1 в Екатеринбурге – средний возраст, высшее образование,
- 1 в Красноярске – средний возраст, высшее образование,
- 1 в Саранске – средний возраст, высшее образование,
- 1 в поселке Ромоданово (Республика Мордовия) – средний возраст, среднее специальное образование,
- 4 в Уфе – пенсионеры; средний возраст, безработные; средний возраст, высшее образование; средний возраст, среднее специальное образование.

Кроме того, в Москве было проведено три фокус-группы с работниками бюджетной сферы – одна с врачами, одна с преподавателями вузов и работниками институтов РАН, одна – смешанная, состоящая из инженеров, работников ГИБДД, театральных работников.

Результаты нового исследования отчасти оказались неожиданными для нас самих. Главный вывод: изменения настроений, зафиксированные в нашем предыдущем, майском, обследовании, представляют собой не переход из одного статического состояния в другое, более или менее устойчивое состояние, а скорее, открывают целый период быстрых изменений. Массовое сознание оказалось как бы “сорванным с якорей”, которые удерживали его в статическом состоянии в послекрымский период.

В октябре 2018 г. зафиксированные нами изменения общественного мнения распространились не только на внутреннюю, но и на внешнюю политику. Заметно усилился негативизм по отношению к власти в целом и к ее верхним эшелонам в частности. В то же время возросло чувство личной ответственности за состояние дел как в местном сообществе, так и в стране в целом. Нарастание критического мышления выразилось также в заметном ослаблении влияния официальных СМИ и в существенном изменении ценностных ориентаций. На второй план стали отходить ценности выживания, роль которых усилилась в период после экономического кризиса 2015–2016 гг., включая потребности материального характера (еда, одежда, жилье и т.д.), и запрос на дистрибутивную справедливость. Вместо них на первый план вышли запросы на честность, уважение и процессуальную справедливость (равенство всех перед законом), которые примыкают к постматериалистическим ценностям самовыражения. Тем самым октябрьские данные указывают на то, что российское общество очень быстро проскочило стадию популизма и в нем усиливается интерес к более модернизированным ценностям. Впервые после 2012 г. появились признаки возобновившейся модернизации массового сознания.

Новые направления изменений в массовом сознании

Запрос на миролюбивую внешнюю политику. В апреле–мае 2018 г. население в массе своей поддерживало внешнюю политику страны, хотя уже тогда по отношению к ней можно было встретить критические высказывания. Основой для одобрения внешней политики были такие ценности, как мир и уважение, в то время как основаниями для ее критики выступали излишний экспансионизм, негативные экономические последствия и двойные стандарты.

Эта тенденция получила развитие, и спустя полгода в высказываниях респондентов стал отчетливо проявляться запрос на миролюбивую внешнюю политику. Среди опрошенных респондентов большинство высказывалось за снижение конфликтности внешнеполитического курса (см. рис. 1).

Весной 2018 г. мы отмечали, что, по данным нашего исследования, согласие с внешней политикой убывало по мере снижения уровня жизни респондентов. Осенью же, в октябрьском исследовании, выявленный тренд начал ощущаться и в крупных городах, в том числе в Москве (хотя частота подобных высказываний среди московских респондентов по-прежнему меньше, чем в других местах).

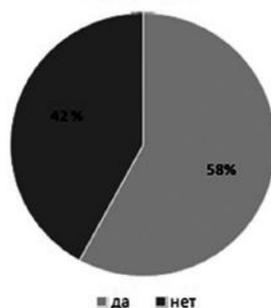

Рис. 1. Считаете ли вы внешнюю политику России излишне агрессивной?

Усиление пессимизма в восприятии будущего страны и образ идеальной России. В майском исследовании 2018 г. респонденты еще не были слишком пессимистично настроены в отношении будущего. Большинство хотя и не рассчитывало на какие-либо улучшения, но в то же время не ждало серьезных ухудшений. В октябрьском обследовании респондентам предлагалось нарисовать три рисунка: Россия сейчас, Россия через 5 лет, Россия идеальная. Анализ 140 рисунков показал, что большинство респондентов по отношению к будущему страны настроено пессимистично. 68% опрошенных либо не видят улучшений в ближайшем будущем, либо считают, что положение в стране ухудшится (см. рис. 2). Россия через пять лет воспринимается как слабеющая и отстающая в развитии от других стран. Нередко пессимистические настроения охватывают и долгосрочную перспективу 10–20 и более лет.

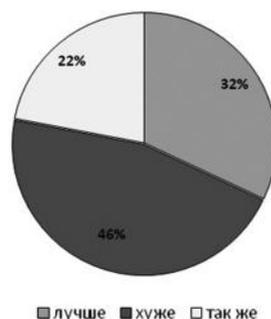

Рис. 2. Через 5 лет положение в стране станет лучше, хуже или останется прежним?

Смещение предпочтений от дистрибутивной справедливости к процессуальной. В рамках фокус-групп респондентам задавался вопрос: «Как вам кажется, какой тип справедливости сейчас важнее – дистрибутивный, то есть равное распределение благ, например все природные ресурсы страны должны быть поровну распределены между ее населением, а не сосредоточены в руках узкой группы лиц? Или процессуальный, то есть равенство перед законом?». Для большинства опрошенных равенство перед законом оказалось важнее, чем справедливое распределение благ (см. рис. 3). Такое смещение предпочтений от дистрибутивной справедливости, доминировавшей в мае, к процессуальной хорошо согласуется с выявленной нами общей тенденцией на активацию ценностей самовыражения и ослабление значимости материального благополучия (см. рис. 3).

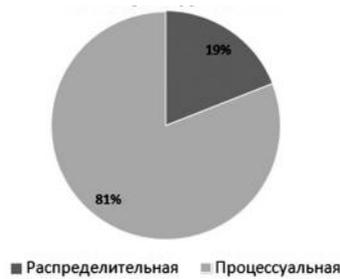

Рис. 3. Тип справедливости.

Активация ценностей самовыражения. Далее респондентам задавался вопрос о том, как мы могли бы прийти к идеальной России, изображенной на их рисунках. Их ответы давали возможность получить представление о ценностных ориентирах, связанных с образом идеальной России. К ценностям, представленным на рисунках идеальной России, сделанных респондентами, относятся: уважение, свобода, мир, уверенность в завтрашнем дне, процветающая промышленность, человечная власть, отсутствие тотального контроля. В рисунках отражается и запрос на мирную политику: ни на одном из них нет милитаристской символики. Анализ всех рисунков позволил выделить следующие ценностные ориентации: уважение (равенство прав, доверие к людям, внимательное отношение к их устремлениям и убеждениям, уважение друг к другу, взаимоуважение народа и власти, уважение к другим странам); свобода; мир; экология; научный прогресс и процветающая промышленность; справедливость; процветающее население, которое любит свою страну. Наиболее полно ценности идеальной России представлены на одном из рисунков наших респондентов (см. рис. 4).

Рис. 4. Пример визуализации ценностей идеальной России.

В свою очередь, среди инструментальных приоритетов были названы: образование; равенство перед законом; медицина; достойная работа; культура; изменение менталитета; честные выборы; развитие бизнеса. Последний раз такое усиление ценностей самовыражения мы наблюдали в наших исследованиях в 2012 г. [Дмитриев, Белановский, Мисихина, Никольская 2013].

В ходе исследования осени 2018 г. мы попросили респондентов отметить на 10-балльной шкале (где 0 – нет потребности или она полностью удовлетворена, 10 – очень высокая потребность) значимость для них следующих вопросов: физические потребности (еда, жилье, одежда, медицина); потребность в заботе государства; потребность в уважении государства; потребность в свободе (отсутствие тотального контроля и честные выборы). Кроме того, мы включили в этот сопоставительный список потребность в новых лидерах, которая, как будет показано ниже, тоже отражает изменение ценностных ориентаций. В результате физические потребности и потребность в заботе государства оказались ниже середины шкалы, в то время как наиболее высокими баллами отмечены потребность в уважении и свободе, а также в лидерах, которые способны выразить эти ценности. То есть на первый план во взаимоотношении с властями выдвигаются запросы более высокого порядка, чем удовлетворение базовых потребностей (см. рис. 5). Характерно, что эта тенденция проявилась практически во всех фокус-группах, независимо от места ее проведения и социального состава респондентов.

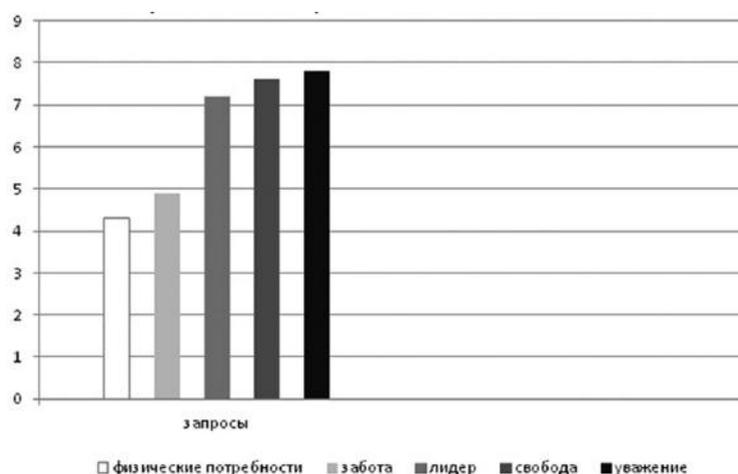

Рис. 5. Приоритетность запросов респондентов.

Усиление ответственности за ситуацию в стране и в местном сообществе. В предыдущем (майском) исследовании мы выявили признаки того, что локус контроля сдвигается в сторону усиления личной ответственности. 94% наших респондентов заявили, что не полагаются больше на государство, а рассчитывают только на себя. Наше октябрьское исследование подтверждает дальнейшее усиление внутреннего локуса контроля, которое проявляется прежде всего в осознании ответственности за положение дел в стране и в местном сообществе. Причем, согласно данным нашего исследования, 63% респондентов готовы вносить личный вклад в развитие страны (см. рис. 6)¹.

К таким усилиям, согласно нашим фокус-группам, респонденты отнесли готовность: платить высокие налоги; участвовать в благотворительности; участвовать в волонтерских движениях; вкладывать деньги в экономику; участвовать в общественных движениях

¹ См. Левада-Центр (2018) Ответственность и влияние/ 31 октября 2018 (https://www.levada.ru/2018/10/31/otvetstvennost-i-vliyanie2/?utm_source=mailpress&utm_medium=email_link&utm_content=twentyten_singlecat_22516&utm_campaign=2018-10-31t07:00:46+00:00).

и проявлять гражданскую активность; участвовать в просветительской и агитационной деятельности. Эти формы хорошо укладываются в повестку усилившейся ориентации на самореализацию.

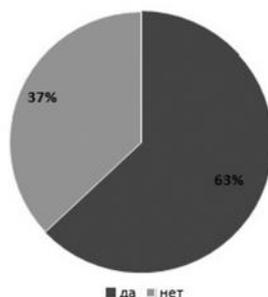

Рис. 6. Готовы ли вы внести личный вклад в процветание России?

Запрос на новых лидеров. В майском 2018 г. исследовании мы обнаружили ослабление надежд, связанных с сильным лидером, – практически в той же пропорции, что и ослабление надежд на государство. В октябрьском исследовании эта тема получила дальнейшее развитие: обозначился запрос на политических лидеров нового типа, характеристики которых ассоциируются не с личной концентрацией полномочий, а с ценностями самовыражения, спроецированными на верхний эшелон власти. Согласно данным, полученным в фокус-группах, новые лица в российской политике должны обладать следующими характеристиками: уважительно относиться к людям; обладать готовностью слушать и слышать людей; быть честными с населением, не использовать двойные стандарты – для всех и для узкого круга лиц; признавать свои ошибки; действовать в интересах народа, а не узкой группы; уметь наладить отношения с другими странами; делегировать полномочия; быть демократичными; соблюдать законы своей страны и придерживаться честной гражданской позиции; делать действия правительства прозрачными, понятными населению.

Качества из приведенного списка ассоциируются с ценностями самовыражения, которые выдвинулись в массовом сознании на первый план. Это указывает на высокую согласованность и однонаправленность изменений, затрагивающих различные аспекты социальной и политической реальности. Обращает на себя внимание и то, что перечень качеств, которые респонденты назвали для лидеров нового поколения, мало пересекается с позитивными и негативными качествами, по которым россияне оценивали В. Путина. Так, в опросе Левада-Центра, проведенном 19–25 июля 2018 г. (более поздними опросами такого рода мы не располагаем) присутствуют формулировки, характерные для более традиционных ценностных ориентаций: стабильность, личное обаяние, способность к компромиссу, жесткость, дальновидность и др.² Косвенно такое расхождение в критериях оценки служит признаком зарождения ценностных оснований для контролитных настроений, что не просматривалось в нашем весеннем обследовании.

Готовность к переменам. В октябрьском исследовании респондентам задавался вопрос: «Представьте, что в стране проводится референдум, где вы должны решить, продолжаем ли мы жить, как живем (неизвестно, когда станет лучше), или соглашаемся на реформу, в процессе проведения которой наше благосостояние упадет, но в результате страна явно выйдет из кризиса. Как бы вы проголосовали?». Количество респондентов, согласных на пе-

² См. Левада-Центр (2018) Отношение к Владимиру Путину. 08 августа 2018 (https://www.levada.ru/2018/08/09/otnoshenie-k-vladimiru-putinu-3/?utm_source=mailpress&utm_medium=email_link&utm_content=twentyten_singlecat_21435&utm_campaign=2018-08-09T07:00:10+00:00).

ремены, временно ухудшающие условия жизни, возросло до 76% (см. рис. 7). Таким образом, запрос на перемены сохраняется, но становится более зрелым и реалистичным. В отличие от майского 2018 г. опроса, когда просматривалось стремление к быстрым и легким (пусть и непроверенным) решениям, теперь запрос на изменения становится более ответственным и реалистичным. Респонденты уже не требуют немедленных улучшений, а ради конечного позитивного результата выражают готовность ждать и долго терпеть лишения.

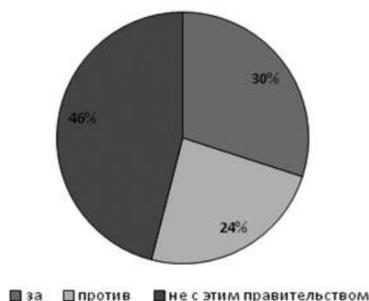

Рис. 7. Готовность к переменам.

Ощущение взаимного недоверия власти и населения. В рамках усиливающегося критического мышления обострилось восприятие власти как нечестной и обладающей двойными стандартами. Такое отношение отражено в рисунке 8. Как мы и прогнозировали по итогам майского исследования, это сопровождается заметным снижением доверия к официальным СМИ. В ноябре 2018 г., согласно опросам ФОМ, доверие к государственным СМИ оказалось на 23% ниже пиковых значений, достигнутых в 2015 г. (соответственно, 47% и 70%)³. Три четверти опрошенных считают правильным, что журналисты на официальных телеканалах могут критиковать власть (максимальный показатель за последние годы). При этом в качестве источников информации заметно возросла роль новостных сайтов и социальных сетей. Усилилось и негативное восприятие населением оборотной стороны этих взаимоотношений. Если раньше социологические опросы фиксировали только недоверие населения к власти, то в нашем октябрьском исследовании мы впервые обнаружили, что респонденты часто упоминают и о недоверии власти к ним.

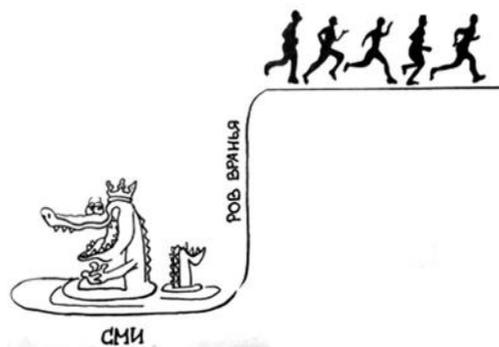

Рис. 8. Пример визуализации восприятия власти как нечестной.

Это становится дополнительным препятствием на пути эффективной коммуникации между властью и населением. Доверие предполагает, что его объект – предсказуем, безопасен и надежен. В свою очередь, недоверие подразумевает либо непредсказуемость,

³ См. <https://www.rbc.ru/politics/27/11/2018/5bfd31189a79475d5dae5a51>

зарплат в большинстве других секторов. В то же время это хорошо коррелирует с выявленной нами общей тенденцией на усиление ценностей самовыражения по сравнению с материальными потребностями.

Что касается проблем менеджмента, которые вызывают острую критику респондентов, то практически все они возникли, как минимум, несколько лет назад в ходе многочисленных реформ, проводившихся задолго до обозначившегося в этом году перелома в массовом сознании. В частности, многие претензии связаны с нерациональной организацией работы и ее неоправданной интенсификацией, их причиной стала форма, в которой реализовывались майские указы 2012 г. по повышению зарплат в бюджетной сфере. Во многих случаях реализация указа не была подкреплена достаточным увеличением фонда оплаты труда. Это вынуждало администрацию бюджетных организаций прибегать к разного рода ухищрениям, например выводить за штат часть сотрудников и повышать зарплату остальным при непропорциональном росте нагрузки на них. Другая распространенная претензия – растущая бюрократизация работы бюджетных учреждений, сопровождающаяся бессмысленными требованиями и правилами, насаждаемыми сверху без глубокого понимания ситуации на местах. Бессмысленный вал бумажной отчетности, по мнению респондентов, наносит большой вред эффективности и результативности работы, а также ведет к демотивации персонала. Широко распространены претензии, связанные с немеритократическим характером назначений, когда личная преданность руководству подменяет наличие необходимых компетенций. В контексте изменившихся приоритетов нехватка финансирования рассматривается уже не столько сквозь призму личных материальных интересов – повышения оплаты труда, – сколько в качестве общественной проблемы, ведущей к падению результативности работы⁴.

По существу, высказываемые претензии далеко не беспочвенны. Они отражают общую проблему государственного управления: низкое качество менеджмента, недостаток обратной связи в принятии решений и дефицит компетенций по проведению сложных институциональных преобразований. Но в связи с усилением внутреннего локуса контроля и критического мышления старые проблемы предстают в ином свете и происходит их быстрая переоценка в негативную сторону. Авторитарный бюрократический контроль при недостаточной компетенции принимающих решения, отсутствие эффективной обратной связи и навязывание сверху неоптимальных решений без учета ситуации на местах вступают в конфликт с новыми ценностными ориентациями и начинают восприниматься как неприемлемые. В связи с ослаблением приоритетности первичных потребностей растущая зарплата уже не оказывается достаточной компенсацией этих проблем.

Фокус-группы с бюджетниками нам удалось провести только в Москве, и возникает вопрос, насколько вероятно возникновение похожих настроений в других регионах. Здесь стоит учесть, что напряженность в бюджетной сфере во многом лежит в русле общего усиления критического отношения населения к государству и власти. Ценностные конфликты в бюджетной сфере служат своего рода “концентрированным выражением” изменившихся настроений населения в целом. А наше октябрьское исследование показывает, что сходное изменение ценностных ориентаций наблюдается не только в Москве, но и в тех регионах, где проводились октябрьские фокус-группы. Логично предположить, что настроения работников бюджетной сферы в других регионах будут во многом перекликаться с тем, что мы наблюдали в Москве.

Возможные причины и последствия изменений в общественном сознании

В 2018 г. настроения российского общества вышли из статического состояния, в котором они находились после крымских событий. Массовое сознание утратило равновесие и приобрело динамизм, аналогично тому, как это происходило в 2011–2013 гг. В таком

⁴ Высказывания респондентов, иллюстрирующие перечисленные мнения, приведены в нашем докладе [Дмитриев, Никольская, Белановский, Черепанова 2018].

состоянии общественное мнение характеризуется повышенной неустойчивостью и способностью к быстрым и контрастным переключениям предпочтений. Это означает, что и внезапное усиление ценностей самовыражения, проявившееся в октябрьских данных, тоже может быть переходным и даже мимолетным состоянием, как до того произошло с популистскими настроениями, усилившимися к лету 2018 г. В то же время происходящие изменения в массовом сознании, по-видимому, более фундаментальны, чем были аналогичные изменения в 2012 г., которые, по нашим наблюдениям, продержались менее года. Ведь в тот период усиление ценностей самовыражения происходило при сильном “попутном ветре” со стороны официальных СМИ и многих политиков, риторика которых настойчиво пропагандировала идеи модернизации общества на протяжении всего периода президентства Д. Медведева. Не случайно модернизационные ценностные ориентации быстро сошли на нет, как только официальная риторика переключилась на пропаганду традиционных ценностей.

В отличие от ситуации 2012 г., октябрьская смена ценностных ориентаций в 2018 г. произошла не благодаря, а вопреки установкам официальных СМИ, где никаких признаков изменения традиционалистского контента не наблюдалось. Напротив, их консервативная риторика играла роль сильного “встречного ветра”, препятствовавшего очередному усилению ценностей самовыражения.

В октябрьском повороте массового сознания решающее значение сыграли не экзогенные, а эндогенные факторы – усиление внутреннего локуса контроля и критического мышления, которые распространялись через неформализованные межличностные коммуникации. Эта ярко выраженная эндогенность ценностных изменений может придавать новому переходу дополнительную устойчивость по сравнению с аналогичным переключением 2012 г.

В связи с наблюдаемыми изменениями в массовом сознании возникают, как минимум, два теоретических вопроса, вызывающих оживленную дискуссию в российской и зарубежной литературе. Первый связан с тем, насколько статичны фундаментальные ценности и могут ли их изменения одновременно охватывать все поколения (а следовательно, происходить сравнительно быстро), либо же их изменение возможно лишь в результате межпоколенческих сдвигов (то есть сравнительно медленно). Наиболее известная работа, отстаивающая вторую точку зрения, – книга Р. Инглхарта и К. Вельцеля [Inglehart, Welzel 2005], в которой на базе нескольких раундов Мирового обследования ценностей показана инерционность (материалистических) ценностей выживания и (постматериалистических) ценностей самовыражения, сформированных в ранних возрастах индивидов. Несмотря на широкое распространение этой точки зрения, многие исследователи указывают на возможность более динамичных изменений ценностных ориентаций у отдельных личностей на протяжении их жизни и у общества в целом. В частности, в [Duch, Taylor 1993] на данных восьми европейских стран за 1973–1984 гг. показано, что приоритетность постматериалистических ценностей слабо зависит от начальной фазы формирования личности. При этом некоторые постматериалистические ценности имеют тенденцию проявляться в обществах на сравнительно ранних стадиях социально-экономического развития [Marks 1997].

Усиление постматериалистических ценностей ассоциируется с проактивной гражданской позицией. С этим связано: ослабление приоритетности запроса на порядок и безопасность в пользу запроса на вовлеченность в решение общественных проблем; дистанцирование от любой власти (политической, корпоративной и т.д.) вместо почтительного отношения; усиление запроса на подотчетность власти [Marks 1997]. Кроме того, в обществе с высоким уровнем образования индивиды становятся более заинтересованы и подготовлены к критическому восприятию сигналов власти и менее зависимы от этих сигналов [Dalton 2000].

Мы полагаем, что в переходном состоянии общества, когда значительная часть уже склоняется к постматериалистическим ценностям, возможно быстрое изменение преоб-

ладающих (или по крайней мере декларируемых) ценностных ориентаций, обусловленное влиянием критической массы индивидов с интернализированным механизмом формирования ценностных ориентаций на остальных членов общества, склонных к конформизму. Последние, независимо от возраста, склонны присоединяться к преобладающему мнению. Именно этим, на наш взгляд, могут объясняться внезапные сдвиги приоритетов в ценностных ориентациях, которые уже неоднократно фиксировались в России социологическими опросами. Конформистски настроенная часть населения не только легче подхватывает новые ценностные ориентации под влиянием ситуативных экзогенных факторов (таких, как контент СМИ и системы образования, а также мнения окружающих их людей), но и легче отказывается от них, если внешние факторы перестают поддерживать новые ценностные ориентации.

Второй вопрос связан с тем, почему сдвиги приоритетов в ценностных ориентациях нередко, как и в рассматриваемых нами двух волнах изменения массового сознания в 2018 г., сопровождаются усилением контролитных настроений и снижением легитимности властей. По этому вопросу мы не формулируем самостоятельных гипотез, но сошлемся на обширную полемику, которая уже давно идет в научной литературе. Например, как отмечается в [Tyler 1990], легитимность, будучи разделенной между индивидами, представляющими общество, создает особые коллективные эффекты, в том числе делает коллективный социальный порядок более эффективным и более консенсуальным. Существуют различные теории того, как люди могут поверить в легитимность власти. Одна из моделей предполагает, что они считают законными те институты или правила, которые приносят им пользу. Этот корыстный подход к легитимации подкрепляет точку зрения Ю. Хабермаса [Кимелев, Поляков 1996] о капитализме эпохи постмодернизма, где неспособность обеспечить защиту и преимущества, обещанные государством всеобщего благосостояния, является источником делегитимизации и потенциального кризиса. Вторая модель предполагает, что легитимность следует за соглашением с правилом. В либеральной теории согласие – это процесс добровольного принятия того, чтобы быть ограниченным структурой власти, и это решающий шаг в согласовании свободы и обязательств. Данная точка зрения рассматривает легитимность как договор, который переносит полномочия между индивидом и социальным институтом. Согласие, говорит Р. Флатман, “позволяет людям передавать некоторые или все свои полномочия другим, разрешая другим действовать от их имени” [Flathman 1993, p. 528]. В классическом исследовании властных отношений Дж. Гавенты отмечено, что несправедливые социальные структуры с выраженным социальным неравенством могут казаться легитимными тем, кто бессильны что-либо изменить, и что такого рода структуры правления могут быть стабильными и долговременными [Gaventa 1982].

В то же время Р. Хардин отмечает, что “фундаментальные, модальные отношения граждан с их правительствами большую часть времени – это согласие, но это согласие не говорит нам, согласны ли они с легитимностью своей власти или существует иная мотивация согласия” [Hardin 2009, p. 161]. То есть сам по себе внешний факт соблюдения порядка еще не означает, что этот порядок рассматривается как легитимный [Вебер 1990].

В этой связи поднимается вопрос о факторах стабильности социально-политической системы в ходе модернизации. С. Хантингтон видит причину неудач в проведении модернизации в политической нестабильности [Хантингтон 2004]. Соответственно, главной целью преодоления проблем ему видится обеспечение экономического роста, даже если государственный режим носит авторитарный характер. В то же время Хантингтон выдвигает концепцию политического развития, сохраняющую социокультурные традиции общества без навязывания ему западных образцов. Исследователи, стоящие на более либеральных позициях [Даль 2000], считают, что модернизация предполагает наличие открытой социально-политической системы и интеграцию населения в гражданское общество, на что, согласно нашему исследованию в октябре 2018 г., были настроены и россияне. Интересно отметить сходство их гражданской активности и граждан разви-

тых демократических стран, где показатели явки на выборах снижаются при значительном расширении участия в различных формах нетрадиционных политических действий, таких как, например, экологические группы. Население склоняется к методам прямого действия, требующим большей личной инициативы и больших политических навыков [Dalton 2000]. Этот сценарий, выбираемый на сегодняшний день и российским обществом, опровергает идеи Флатмана о передаче политических полномочий социальным институтам, что может быть объяснено опорой на неформальные личные связи и высоким недоверием к формальным структурам [Вахштайн 2016].

В нашем майском исследовании упоминалось, что противники и сторонники власти статистически значимо различны в своих психологических профилях по критерию соглашательности. В [Green, Robertson 2017] на данных российской выборки делается вывод, что в авторитарных системах люди с высокими показателями по шкале соглашательности в большей степени поддерживают власть. В то же время показано, что люди с низкими баллами по шкале соглашательности с большей вероятностью поддерживают популистских политиков [Bakker, Rooduijn, Schumacher 2015]. Если это утверждение справедливо, то усиление критического мышления, наблюдавшееся в России в 2018 г., должно уменьшать вероятность реализации популистского сценария.

При этом усиление критического отношения к власти не обязательно приводит к формированию новой содержательной политической повестки, как это мы видим и в наших материалах. По оценке А. Неклессы, в России возник серьезный смысловой и мировоззренческий кризис, заключающийся в безуспешных попытках власти сформулировать национальную идею [Неклесса 2013]. О том же говорят и западные исследователи (см., например, [Green, Robertson 2017]), которые утверждают, что российская политика слабо идеологизирована, ибо нет идеологических предпочтений для формирования партийной принадлежности или при выборе того, кому отдать свой голос на выборах. Идеология сводится к взвешиванию выгод и потерь и неприятию риска в условиях неопределенности. В таких условиях, порожденных быстрой сменой ценностных ориентаций, можно говорить, как минимум, о трех дальнейших сценариях изменений массового сознания в России после 2018 г.:

I. Возврат к состоянию “консолидации вокруг флага”, характерному для большей части послекрымского периода. Он возможен в случае резкого обострения международных конфликтов с российским участием, которое вновь усилит у населения восприятие внешних угроз.

II. Откат к настроениям контрэлитного популизма, которые общество неожиданно быстро “проскочило” летом 2018 г. Он может произойти под влиянием неблагоприятных изменений в экономике (например, в связи с дальнейшей эскалацией международных санкций или в результате резкого торможения мировой экономики).

III. Октябрьская переориентация на ценности самовыражения может оказаться устойчивой и закрепиться в массовом сознании на более или менее длительное время. Такое развитие событий представляется наиболее вероятным в случае сохранения *status quo* в экономике и внешнеполитической сфере (вялый экономический рост и отсутствие острых внешнеполитических конфликтов).

Сценарий I “консолидации вокруг флага” мы уже имели возможность наблюдать в послекрымский период. Какими проблемами может сопровождаться Сценарий II – очередное обострение контрэлитного популизма – уже обсуждалось в предыдущей статье [Белановский, Дмитриев, Никольская 2019]. В той или иной мере иллюстрировать происходящее при этом сценарии могут многочисленные страны, которые, в отличие от России, уже всерьез и надолго затронуты волной контрэлитного популизма.

Сценарий III с сохранением элементов ценностей самовыражения на относительно длинный срок представляется по своим последствиям менее очевидным и поэтому заслуживает дополнительного рассмотрения. Он идет в противофазе с преобладающей международной тенденцией – усилением радикального популизма, являющегося, по существу, разновидностью архаизации массового сознания. Популистскую волну,

активирующую традиционалистские ценности, по крайней мере в развитых странах, нельзя назвать устойчивой. Она представляет собой обостренную реакцию на затяжной экономический кризис. Но поскольку популизм не в силах предложить развитым странам успешные долгосрочные модели развития и в целом не соответствует объективным социально-экономическим условиям жизни большинства населения этих стран, разочарование в популистской политике со временем представляется неизбежным. В Сценарии III российское общество может оказаться на передовых рубежах будущего тренда на деархаизацию ценностей, опередив в этих изменениях большинство развитых стран.

Парадоксальность такого развития открывает для России новые возможности в сфере как внешней, так и внутренней политики. Это может быть использовано как отправная точка для начала восстановления отношений с развитыми странами, что поможет ослабить санкционное давление. Развитым странам гораздо легче оправдывать санкции на какую-либо страну, ссылаясь на ценностные конфликты. Но труднее оказывается наращивать санкции против страны, население которой демонстрирует усиление ценностей самовыражения и стремится к внешней политике, основанной на диалоге и взаимопонимании в противовес конфронтации и опоре на военную силу. Со своей стороны, российской власти тоже придется по-новому, менее конфронтационно, выстраивать внешнюю политику с учетом изменившихся ожиданий российского общества, поскольку внешняя политика у нас традиционно играет важную роль в поддержании внутренней стабильности и поддержки власти со стороны населения, а этой поддержки в Сценарии III власти будет не хватать.

В любом случае такое развитие событий способно уменьшить вероятность дальнейшей эскалации конфликтов с развитыми странами. При этом снижение риска эскалации санкций и тем более перспектива их ослабления откроет возможности для ускорения экономического роста. Последнее, в свою очередь, может повлиять на дальнейшую динамику ценностных ориентаций, но как именно – пока остается только предполагать.

В Сценарии III, чтобы ослабить растущий негативизм населения по отношению к власти, необходимо изменить сложившийся формат коммуникаций и взаимодействия с населением, которое пока не проявляет агрессии по отношению к власти и в целом настроено на конструктивный диалог с ней. Поэтому наилучшим решением для властей будет всемерная активизация такого диалога, везде, где он востребован. Потребуется усилить каналы обратной связи, которые помогли бы реализовать запрос общества на содержательный диалог с властью и открыть дополнительные возможности реального, а не имитационного влияния на принимаемые властью решения. Система коммуникаций с населением в прошлом уже неоднократно демонстрировала высокую адаптивность в ответ на резкие повороты в массовом сознании. Такая задача перенастройки представляется более реалистичной и достижимой, чем задача, возникающая в Сценарии II (необходимость в ответ на рост радикального популизма усилить перераспределительную бюджетную политику далеко за пределы объективных возможностей экономики и бюджета, ограниченного вялым экономическим ростом).

* * *

В мае 2018 г. наше исследование выявило признаки начинающихся фундаментальных сдвигов в массовом сознании россиян. Но к октябрю настроения сильно изменились. Мы наблюдали не только продолжающиеся изменения в массовом сознании, связанные с усилением внутреннего локуса контроля и вытекающей из этого критической переоценкой окружающей реальности, но и внезапную смену ценностных ориентаций. Популистский запрос на дистрибутивную справедливость сменился запросом на процессуальную справедливость, свободу, уважение и мир, что знаменует решительный отход от повестки классического популизма. Новые приоритеты самовыражения оттесняют на второй план базовые материальные потребности. Обращает на себя внимание однонаправленность и непротиворечивость наблюдаемых изменений.

При этом контрэлитные настроения на фоне активации критического мышления и обостренного ощущения экзистенциального кризиса продолжали усиливаться. Со временем это может подтолкнуть население к проявлениям политической активности. Можно даже говорить о нарастании контрэлитного негативизма, который, однако, не принимает форм контрэлитного популизма. Особенно резко этот ценностный поворот проявился в настроениях работников бюджетной сферы, которые гораздо теснее других слоев населения взаимодействуют с государством и среди которых накопилась усталость от активных и не всегда удачных реформ, проведенных в последние несколько лет.

В отличие от обществ многих развитых стран, население которых продолжает скачиваться в популистскую архаику и “социальный инфантилизм”, россияне неожиданно для всех начинают демонстрировать возросшую социальную зрелость и ответственность за положение дел в стране. Несмотря на то, что новый поворот населения в сторону ценностей самовыражения имеет более фундаментальные причины, чем аналогичное кратковременное переключение массового сознания, наблюдавшееся в 2012 г., он тоже может оказаться непродолжительным. Массовое сознание выведено из статического состояния и на какое-то время может утратить устойчивость. Для того чтобы закрепиться в новой системе ценностных координат, ему будет недоставать институциональных якорей – поведенческих и культурных норм, устоявшихся и закрепившихся в соответствии с изменившимися ценностями, а также внешних поддерживающих факторов, таких как контент, транслируемый официальными СМИ и другими институтами, включая систему образования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Белановский С.А., Дмитриев М.Э., Никольская А.В. (2019) Признаки фундаментальных сдвигов в массовом сознании россиян // *Общественные науки и современность*. № 1. С. 5–18.
- Вахштайн В. (2016) Почему мы до сих пор не поубивали друг друга? // *Новая газета*, № 105.
- Вебер М. (1990) *Избранные произведения*. М.: Прогресс.
- Даль Р. (2000) *О демократии*. М.: Аспект Пресс.
- Дмитриев М.Э., Белановский С.А., Мисихина С.Г., Никольская А.В. (2013) *Политические настроения россиян в начале нового электорального цикла (2012–2013 гг.)*. Москва: Фонд “Центр стратегических разработок”.
- Дмитриев М.Э., Белановский С.А., Никольская А.В. (2018) *Признаки изменений общественного сознания и их возможные последствия*. КГИ, 2018. komitetgi.ru/news/news/3902/.
- Дмитриев М.Э., Никольская А.В., Белановский С.А., Черепанова Е.В. (2018) *Осенний перелом в сознании россиян: мимолетный всплеск или новая тенденция?* Москва, Декабрь 2018 г. (www.liberal.ru).
- Кимелев Ю.А., Полякова Н.Л. (1996) *Концепция общества Юргена Хабермаса. Современные социологические теории общества*. М.: ИНИОН.
- Неклеса А.И. (2013) *Кризис мировидения // ПОЛИС*. № 3. С. 6–29.
- Хантингтон С. (2004) *Политический порядок в меняющихся обществах*. М.: Прогресс–Традиция.
- Bakker B. N., Rooduijn M., Schumacher G. (2015) *The psychological roots of populist voting; Evidence from the United States, the Netherlands and Germany // European Journal of Political Research*. Vol. 55. Pp. 302–320.
- Dalton R.J. (2000) *Citizen attitudes and political behavior // Comparative Political Studies*. Vol. 33. No. 6/7. August / September. Pp. 912–940.
- Duch R., Taylor M.A. (1993) *Postmaterialism and the Economic Condition // American Journal of Political Science*. No. 3. Pp. 747–778.
- Flathman R.E. (1993) “Legitimacy” // Goodin R.E., Pettit Ph. (eds.) *A Companion to Contemporary Political Philosophy*. Cambridge, MA: Blackwell.
- Gaventa J. (1982) *Power and Powerlessness: Acquiescence and Rebellion in an Appalachian Valley*. Champaign: Univ. of Illinois Press.
- Green S., Robertson G. (2017) *Agreeable Authoritarians: Personality and Politics in Contemporary Russia // Comparative Political Studies*. January. Pp. 1–33.
- Hardin R. (2009) *Compliance, Consent, and Legitimacy // Boix C., Stokes S. (eds.) Oxford Handbook of Comparative Politics*. Oxford: Oxford Univ. Press. Pp. 236–255.

- Inglehart R., Welzel C. (2005) *Modernization, Cultural Change, and Democracy. The Human Development Sequence*. New York: Cambridge Univ. Press.
- Marks G.N. (1997) *The Formation of Materialist and Postmaterialist Values // Social Sciences Research*. Vol. 26. Issue 1. Pp. 52–68.
- Tyler T. (1990) *Why People Obey the Law*. New Haven: Yale Univ. Press.

The autumn shift in the sentiments of Russians: a transient episode or a new trend?

M. DMITRIEV *
A. NIKOLSKAYA **

**Dmitriev Mikhail* – doctor of economics, President Business Partnership “New Economic Growth”. Address: 3-5 p. 1, office 229a, Gazetny per., Moscow, 125993. E-mail: mikhaildm@mail.ru.

***Nikolskaya Anastasia* – PhD of psychology, Associate Professor of psychology of Russian state University. A. N. Kosygin. Address: 33 Sadovnicheskaya street, Moscow, 11503. E-mail: tonokazutoya@gmail.com.

Abstract

The article is based on the focus groups held in October 2018, revealed a sudden shift in public sentiments, the second one during this year. Anti-establishment populism which briefly prevailed during summer months has been replaced by the demands for freedom, honesty, respect and international peace. Summer emphasis on redistributive social justice has been superseded by the request for procedural justice (equality before law). However, anti-establishment sentiments sustained and even invigorated but without any signs of aggression towards authorities. Demand for change became more mature and realistic. Majority of respondents were prepared for prolonged hardships and austerity for the sake of better Russia. Two thirds of respondents felt personal responsibility for the country’s future and were ready to participate personally in the development efforts.

Keywords: public sentiments, focus groups, populism, postmaterialist values, social justice, legitimacy.

REFERENCES

- Bakker B.N., Rooduijn M., Schumacher G. (2015) The psychological roots of populist voting; Evidence from the United States, the Netherlands and Germany. *European Journal of Political Research*, vol. 55, pp. 302–320.
- Belanovskii S.A., Dmitriev M.E., Nikolskaya A.V. (2019) *Priznaki fundamentalnih sdvigov v massovom soznanii rossiyan* [Signs of fundamental shifts in the mass consciousness of Russians]. *Obschestvennie nauki i sovremennost'*, no. 1, pp. 5–18.
- Dahl R. (2000) *O demokratii* [About democracy]. Moscow: Aspekt Press.
- Dalton R.J. (2000) Citizen attitudes and political behavior. *Comparative Political Studies*, vol. 33, no. 6/7. August / September, pp. 912–940.
- Dmitriev M.E., Belanovskii S.A., Misihina S.G., Nikolskaya A.V. (2013) *Politicheskie nastroyeniya rossiyan v nachale novogo elektoralnogo cikla 2012–2013 gg.* [Political moods of Russians at the beginning of a new electoral cycle 2012–2013]. Moscow: Fund “Center for strategic development”.
- Dmitriev M.E., Belanovskii S.A., Nikolskaya A.V. (2018) *Priznaki izmeneniy obschestvennogo soznaniya i ih vozmojnie posledstviya* [Signs of changes in public consciousness and their possible consequences]. KGI, 2018. komitetgi.ru/news/news/3902/.
- Dmitriev M.E., Nikolskaya A.V., Belanovskii S.A., Cherepanova E.V. (2018) *Osenii perelom v soznanii rossiyan: mimoletnii vsplesk ili novaya tendenciya* [Report Autumn turning point in the minds of Russians: a fleeting surge or a new trend?]. Moscow, December, 2018 (www.liberal.ru).
- Duch R., Taylor M.A. (1993) Postmaterialism and the Economic Condition. *American Journal of Political Science*, no. 3, pp. 747–778.
- Flathman R.E. (1993) “Legitimacy”. In: Goodin R.E., Pettit Ph. (eds.). *A Companion to Contemporary Political Philosophy*. Cambridge, MA: Blackwell.

- Gaventa J. (1982) *Power and Powerlessness: Acquiescence and Rebellion in an Appalachian Valley*. Champaign: Univ. of Illinois Press.
- Green S., Robertson G. (2017) Agreeable Authoritarians: Personality and Politics in Contemporary Russia. *Comparative Political Studies*, January, pp. 1–33.
- Huntington S. (2005) *Politicheskiy poryadok v menyashchemsikhnya obshchestvakh* [Political Order in Changing Societies]. Moscow: Progress-traditsiya.
- Hardin R. (2009) Compliance, Consent, and Legitimacy. In: Boix C., Stokes S. (eds.). *Oxford Handbook of Comparative Politics*. Oxford: Oxford Univ. Press, pp. 236–255.
- Inglehart R., Welzel C. (2005) *Modernization, Cultural Change, and Democracy*. The Human Development Sequence. New York: Cambridge Univ. Press.
- Kimelev Y.A., Polyakova N.L. (1996) *Koncepciya obschestva Yurgena Habermasa. Sovremennie sociologicheskie teorii obschestva* [The concept of Jürgen Habermas society. Modern sociological theories of society]. Moscow: INION.
- Marks G.N. (1997) The Formation of Materialist and Postmaterialist Values. *Social Sciences Research*, vol. 26, issue 1, pp. 52–68.
- Neklessa A.I. (2013) Krizis mirovideniya [Crisis of worldview]. *POLIS*, no 3, pp. 6–29.
- Tyler T. (1990) *Why People Obey the Law*. New Haven: Yale Univ. Press.
- Vahshtain V. (2016) Pochemu mi do sih por ne poubivali drug druga [Why haven't we killed each other yet?]. *Novaya gazeta*, no. 105.
- Weber M. (1990) *Izbrannie proizvedeniya* [Selected works]. Moscow: Progress.

© М. Дмитриев, А. Никольская, 2019